

ГЛАВА 8

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Первое, за что зацепился мой взгляд после пробуждения, — тонкий профиль Кассиса рядом со мной. «А он что тут делает?»

Почему я вообще была без сознания? Память зияла черными дырами, будто кто-то целенаправленно стер из нее целые куски. Я не могла вспомнить ни почему, ни как оказалась здесь.

— Тебе бы еще полежать, — тихо произнес голос над головой.

От низкого звука, почти шепота, по коже пробежали мурашки. Или дело было в его лице, скрытом густой тенью? Человек рядом казался совсем не тем, кого я знала.

Инстинкты требовали отодвинуться, но стоило мне пошевелиться, как рука, обнимавшая талию, мягко, но настойчиво прижала меня обратно. В следующее мгновение, словно передумав, Кассис ослабил хватку и отпустил меня. Лишь тогда я поняла, что до этого лежала у него на коленях, словно на подушке.

— Что случилось?

Почему голос такой сиплый? Горло ужасно саднило, что неудивительно, ведь я едва пришла в себя.

Пытаясь восстановить события минувшей ночи, я заговорила, почти не сбиваясь:

— Что я здесь делаю? Что ты здесь делаешь?..

В голове вдруг проступил мутный, словно чернила в воде, обрывок воспоминаний.

«Сестренка... И... и меня ты бросишь?»

Слова отозвались резкой болью в висках. Я прижала ладонь ко лбу и несколько раз медленно моргнула. Отчего-то продолжать прогулку по памяти расхотелось.

Все это время Кассис молча смотрел на меня. Внутри кареты царил полумрак, но привыкшие к нему глаза неплохо различали очертания. Это была наша первая встреча после Конклава Пяти семей. Конечно, позже мы виделись в поместье Агриче... но и этот момент сохранился в памяти смутно.

Я пыталась уловить хоть какую-то эмоцию, найти ответы в выражении его лица, но правда все ускользала. Наконец он нарушил молчание:

— Не думай ни о чем. Сосредоточься на восстановлении. Ты провела без сознания три дня. Тебе нужно время.

Слова выбили и без того шаткую опору из-под ног.

Три дня. Похоже, организм просто перешел в режим самосохранения. Даже не считая побега из Агриче, за последнее время на меня обрушилось слишком много.

Карету больше не трясло — видимо, отряд сделал остановку. Я приподняла занавеску и выглянула наружу. Солнечный свет ударил по глазам, заставив зажмуриться.

Фуurr!

Высоко над головами промелькнула светло-серая тень. В следующее мгновение птица спикировала на руку стоявшего неподалеку юноши.

От наблюдения за Кассисом в груди всколыхнулось странное чувство. Три года — куда более долгий срок, чем кажется. Достаточно долгий, чтобы юноша стал мужчиной, а знакомый человек — почти чужим. Он вытянулся как минимум на голову, плечи стали шире, а руки — сильнее, чем я помнила. Даже лицо, прежде мягкое, почти мальчишеское, приобрело отчужденную, словно покрытую инеем, резкость. Сейчас слово «красивый» едва ли подошло бы ему — не потому, что он утратил привлекательность, а потому, что вокруг него ощущалась совсем иная аура.

Еще на Конклаве он напоминал своего отца — не чертами, а общим впечатлением. Теперь же, стоя на ветру с огромным соколом на руке, Кассис возвышался над равниной, словно скала.

«Вот каким бы он вырос, если бы по книге не умер в юности» — эта мысль о судьбе Феделиана отозвалась в груди тихим восхищением.

К нему подошел мужчина постарше — темноволосый, с повязкой на одном глазу. Тот самый, что три года назад шел через Черный лес с Северной границы. Значит, выжил. Я попыталась вспомнить его имя, но безуспешно.

Сокол, судя по всему, был почтовым. Кассис снял с лапы птицы послание, быстро прочел и сказал что-то мужчине. Я отпустила занавеску и открыла дверь кареты.

Щелк.

Внутри хлынул ледяной воздух. Я и забыла, что за окном стояла глубокая зима. Но мороз меня не остановил — я поспешно вышла наружу.

Людей вокруг оказалось больше, чем я ожидала. Кто-то чистил оружие, кто-то ухаживал за лошадьми, кто-то проверял повозки. Остальные стояли на страже. И все они выглядели как воины. Ни одного слуги.

Вдруг все замерли и уставились на меня. Повисла оглушительная тишина. Взгляды давили, но это меня особо не волновало. Я продолжила идти.

Кассис тоже смотрел на меня. Не отрывая взгляда, он отпустил сокола и шагнул навстречу.

— Я же сказал тебе лежать, — произнес он низким голосом.

К моему удивлению, ни в тоне, ни во взгляде не было ни капли холода. Он хотел добавить что-то еще, но я перебила:

— Где мы? Куда ты меня везешь?

— Фредерика. Еще полдня пути — и мы полностью покинем нагорье.

Значит, к Феделианам. Я и так это подозревала, но подтверждение вызвало усмешку.

— Получается, я пленница? Военный трофей?

Пылающий особняк Агриче, все поместье в руинах. Такое не забывается, даже если память подводит. Родовое гнездо пало от его рук. А ворота ему открыла я.

Даже сейчас план не казался ошибкой. Я рассчитывала, что появление Кассиса на Конклаве станет сигналом Синему клану — стереть Агриче с лица земли руками Феделианов. Единственное, чего я не ожидала, — так это того, что он окажется прямо передо мной. В тот день я должна была покинуть свой дом одна.

— Зачем ты меня сюда привез?

Он долго смотрел на меня. Взгляд был неподвижным, цепким. И все же на мгновение по лицу скользнула тень — слишком быстрая, чтобы я успела ее истолковать.

В следующий миг он протянул руку. Прохладные пальцы коснулись кожи, заставив меня вздрогнуть. Не обращая на это внимания, он почти ласково провел ладонью по лбу, затем по щеке.

— Снова поднимается жар.

Я чувствовала взгляды окружающих, прожигающие спину, но Кассис оставался невозмутимым.

— Исидор, разобьем лагерь здесь.

— Есть, — отозвался мужчина позади.

Кассис снова посмотрел на меня:

— По-прежнему не думаешь о себе. Из-за температуры ты не чувствуешь мороза. В таком состоянии выходить наружу...

Он не упрекал и не раздражался — и от этого было только сложнее. Я промолчала.

Кассис снял плащ и укутал меня, не оставив ни щели для ветра. А потом просто поднял на руки. Все произошло так быстро, что никто не успел осознать происходящее. Он нес меня легко, будто я почти ничего не весила. От абсурдности ситуации хотелось рассмеяться, но я не смогла выдать ни звука.

В повозке он уложил меня на прежнее место и накрыл собольим одеялом. Тепло обволакивало, веки тяжелели.

— Может, стоит меня связать? — пробормотала я.

— Не знал, что тебе такое нравится.

— Я не об этом.

— Жаль. Хотя, если захочешь, могу подумать об этом в следующий раз.

— А если я сбегу?

— Тогда придется вернуть тебя.

Не поймать. Вернуть. От этих слов его намерения становились еще менее понятны.

— С таким количеством посторонних мыслей неудивительно, что у тебя жар.

Прохладная ладонь легла мне на глаза.

— Отдыхай. Больше не о чем беспокоиться.

И странным образом хаос в голове начал утихать. Что стало с Черным кланом? С матерью, с Джереми, с остальными? Если верить Кассису, все это могло подождать.

Я находилась среди людей Феделианов — в самом сердце враждебного клана. И все же я закрыла глаза со спокойствием, которое не могла позволить себе в Агриче.

Погружаясь в сон, я вдруг подумала, что это... немного смешно.

Тук-тук.

— Вы уже проснулись?

Я как раз приходила в себя после сна, удивляясь тому, что даже в такой ситуации умудрилась выспаться, когда в дверь кареты постучали. Голос был спокойный, низкий, но едва ли мужской.

Я открыла дверь сама. Передо мной стояла женщина с оливковыми волосами и темно-синими глазами.

— Прошу прощения за беспокойство.

Когда наши взгляды встретились, она едва заметно смягчилась — словно испытала облегчение, убедившись, что я в сознании. Несмотря на короткую стрижку и низкий голос, сомнений не оставалось: передо мной была женщина. В Агриче это никого бы не удивило.

— Если вы голодны, могу подать что-нибудь легкое.

— А Кассис?

— Он ненадолго отошел с сэром Уинстоном. Велел проверить, проснулись ли вы, и узнать, не нужно ли вам что-нибудь.

Значит, Исидор и есть сэр Уинстон. Не так уж важно.

— Если хотите, принесу еду сюда. Она почти готова.

— Тогда так и сделай.

Я сразу перешла на «ты». С Кассисом я не церемонилась — было бы странно вдруг менять тон с его людьми.

Ее это, похоже, не задело. Она коротко кивнула и закрыла дверь.

Этот бесстрастный взгляд напомнил мне Эмилию. Последний раз я видела ее, когда отправила к матери, отдав свой последний приказ.

Еду принесли быстро — видимо, дело шло к полудню.

— Кухня полевая, до шедевра недотягивает, но на вкус вполне приемлемо.

— Спасибо.

Меня поразила ее учтивость. Она явно обращалась со мной не как с пленницей. Мелькнула мысль, что она не знает, кто я такая, но это казалось маловероятным.

— Как тебя зовут?

— Можете звать меня Оллин.

Скорее всего, фамилия.

Я приняла миску. Наши пальцы случайно соприкоснулись, и она дернулась. Тогда я поняла, что смущало меня с самого начала: она старалась не касаться меня вовсе.

— Спасибо. Приятного мне аппетита.

Я сделала вид, что не заметила ее замешательства. Оллин еще секунду смотрела на меня, затем тихо закрыла дверь.

Оставшись одна, я негромко выдохнула.

Если я провела без сознания три дня, значит, не могла контролировать яд в своем теле.

В таком состоянии я могла навредить окружающим, сама того не желая. Вот почему со мной обращались так осторожно. Вот почему Кассис не отходил ни на шаг... Вероятно, только он и мог находиться рядом без последствий. Неужто все эти три дня он заботился обо мне?

От этой мысли между бровями у меня пролегла складка. Я провела без сознания целых три дня, однако выглядела и чувствовала себя так, словно все это время жила в тепле и чистоте. Слишком хорошо для человека, которого везли по зимним дорогам. Вряд ли кому-то пришлось бы в голову бес-

покоиться о моей гигиене... да и Кассис едва ли позволил бы себе подобную вольность. Скорее всего, дело было в его необычном даре. В плену он провел несколько дней в подземельях — и все равно оставался безупречно чистым.

Я хотела спросить его напрямую, но возможный ответ пугал сильнее неизвестности. В итоге я промолчала. Зачерпнув похлебки, отправила ложку в рот; для походной кухни вкус оказался на удивление сносным. Я съела еще одну — и на этом остановилась. Обычно я не была привередливой в еде, но сейчас аппетит исчез так же внезапно, как и появился.

Испытывая неловкость, я снова позвала Оллин. Увидев почти нетронутую миску, она тут же предложила принести что-нибудь другое. Я отказалась, сославшись на то, что после долгого голода организм, похоже, не готов к полноценной трапезе.

Когда Оллин ушла, я осторожно выглянула из кареты. Кассиса поблизости не было: часть людей ела, остальные заканчивали разбивать лагерь. При этом солдаты то и дело поглядывали в мою сторону — с любопытством, но без намерения подойти.

Я закрыла дверь, отдернула занавеску и стала наблюдать за лагерьем из окна. Вскоре за спинами занятых делом людей мелькнула знакомая фигура. Кассис возвращался, слушая человека по имени Исидор. Когда он поравнялся с каретой, я распахнула дверь и окликнула его.

Он мгновенно посмотрел в мою сторону. В лагере снова воцарилась та самая плотная тишина, которую я уже замечала утром.

Не обращая внимания на чужие взгляды, Кассис подошел ближе:

— Ты поела?

— Да.

Он перевел взгляд на Оллин, стоявшую неподалеку. Та едва заметно покачала головой. Кассис не стал задавать вопросов.

— Если меня не будет, обращайся к Оллин. Она поможет. Я поджала губы.

— Здесь душно. Хочу выйти подышать.

Он помедлил.

— Солнце уже зашло. На улице холодно.

В ответ я молча накинула его плащ, а поверх — соболиное одеяло. Мое снаряжение говорило само за себя.

— Вам все-таки нехорошо... может, лучше остаться внутри? — неуверенно вмешалась Оллин.

В ее голосе звучало искреннее беспокойство. Кассис внимательно посмотрел на меня и, не говоря ни слова, отступил в сторону, освобождая проход.

Опершись на его руку, я спустилась на землю.

Он тут же окинул взглядом окружающих — и интерес к нам заметно поутих. И пусть это было больше демонстративно, чем искренне, я сделала вид, что ничего не заметила.

К вечеру в лагере разожгли несколько костров. Мы направились к самому яркому и на вид теплomu. Люди, сидевшие у него, один за другим начали пересаживаться к соседним очагам, оставляя нас вдвоем. Остальные старательно избегали смотреть в нашу сторону, боясь проявить излишнее любопытство.

Даже в суровых условиях зимней стоянки здесь царили порядок и дисциплина. Привычные мне солдаты Агриче вели себя совсем иначе, чем воины Синего клана: последние держались сдержанно и почти благородно, словно рыцари, тогда как первые больше напоминали грубых наемников и бандитов.

Неужто наши семьи и вправду настолько разные?

Перед тем как сесть, Кассис подозвал одного из подчиненных и отдал короткий приказ. Через пару секунд в руках у него материализовалась плошка с похлебкой.

— Ешь. — Он протянул мне миску, над которой поднимался пар.

— Я не голодна.

— Даже если нет аппетита, съешь хоть немного. Ты ничего не ела три дня.

Я снова отказалась, но, в отличие от Оллин, Кассис не отступил. В одну руку он вложил мне миску с супом, в другую — ложку.

— Ты ведь не думаешь, что сможешь выжить на одной воде?

Так я и осталась сидеть, лишённая свободы рук. Я опустила взгляд на похлебку и слегка нахмурилась. Ситуация казалась странной. Никто прежде не заботился обо мне так настойчиво — особенно когда я упрямилась и отказывалась. От этого стало неловко, и щеки предательски вспыхнули.

Скрывая смущение, я уставилась в миску, будто в ней была сосредоточена вся моя жизнь, и выпалила первое, что пришло в голову:

— Как ты и говорил... после сна жар, кажется, спал.

— Вот и хорошо.

— В голове каша. Я вроде бы просыпалась... Не помню. Кажется, тогда я выпила жаропонижающее.

— Температура не спадала, поэтому я дал тебе лекарство, — спокойно ответил он, словно в этом не было ничего особенного.

Его тон был настолько естественным, что мне ничего не оставалось, кроме как принять это как должное.

Однако сбоку раздалась странная реакция: